

**Тезисы выступления Уполномоченного Российской Федерации
при Европейском Суде по правам человека -
заместителя Министра юстиции Российской Федерации
М.Л. Гальперина на пленарном заседании форма по вопросам
арбитража**

г. Владивосток, 25 сентября 2018 г.

Хочу поблагодарить организаторов Форума, Верховный суд за приглашение, а зарубежных и российских гостей за активное участие в сегодняшней сессии. Я не первый раз участвую в форуме и хочу отметить, что он всегда сопровождается содержательной и интересной дискуссией с совершенно практическими полезными результатами.

Спешу также передать пожелание успехов форуму от Министра юстиции Александра Владимировича Коновалова, а также от Председателя Европейского Суда по правам человека Гвидо Раймонди, с которым мы буквально вчера в Страсбурге на встрече обсуждали вопросы развития трансграничного правосудия.

Я бы хотел посвятить свое выступление сегодня арбитражу (третейскому разбирательству). Тема арбитража уже давно сохраняет свою актуальность в связи с продолжающейся в России третейской реформой.

В декабре 2015 года был принят разработанный по поручению Президента достаточно объемный закон, который модернизировал регулирование арбитража в России. Этот закон призван решить серьезные проблемы, с которыми столкнулось третейское разбирательство в последние два десятилетия: зависимость арбитров от учредителей третейских судов и от сторон арбитража, развитие «карманных» третейских судов и, как следствие, растущее недоверие к третейской форме защиты со стороны представителей бизнеса, практикующих юристов, и, что наиболее критично, судей государственных судов, которые приводят в принудительное исполнение третейские решения.

В законе предусмотрен целый комплекс организационных и процессуальных механизмов решения данных проблем. Российское законодательство в этой части восприняло самые последние международные тенденции, в том числе положения Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже в редакции 2006 года, а также иностранные практики арбитража корпоративных споров, установления требований к правилам арбитража, обеспечения независимости арбитров.

Текст законопроекта прошел через серьезные дебаты при участии профессионального сообщества. Обычно критики поправок утверждают, что в результате реформы произошло повышение издержек на создание и обеспечение деятельности третейских судов, и их количество резко уменьшилось. Но необходимо помнить, что третейское разбирательство – это особенный институт самоорганизации юридического сообщества, поэтому хорошо отлаженный механизм третейского разбирательства дает сторонам надежные ориентиры и создает особый климат доверия во всем гражданском обороте. Поэтому этот институт нельзя измерять только экономическими показателями. Качество третейского разбирательства сегодня намного важнее простого количества третейских судов. Создание эффективного и независимого третейского разбирательства – это необходимый шаг к успешному расширению полномочий третейских судов, повышения востребованности третейского разбирательства в целом.

Более того, в таких юрисдикциях, которые считаются «арбитражными хабами Азии», как Республика Корея, Сингапур, Гонконг или Малайзия, арбитражные учреждения можно посчитать по пальцам одной руки. Например, в Корее такое учреждение одно и его статус предусмотрен законом. Нам могут возразить, что Россия – очень большая страна и ей якобы требуются десятки и сотни арбитражных институтов, которые покроют сеть всю нашу необъятную Родину. Конечно, это лукавство. Распространенность и востребованность арбитража определяется не территорией, а объемами внешней торговли, развитием рынка финансовых услуг, уровнем правовой грамотности, а любые расстояния сегодня не имеют значения, имея в виду современные телекоммуникационные технологии, которые получают развитие и в арбитраже.

Как правило, говоря о третейской реформе, прежде всего имеют в виду внутреннее третейское разбирательство, но произошедшие изменения безусловно затронули и международный коммерческий арбитраж. Я имею в виду и требование для иностранных арбитражных учреждений о получении права на администрирование арбитража в России. Замечу, что для учреждений с широко признанной международной репутацией процедура получения такого права даже проще, чем для российских институтов. На рассмотрении Минюста уже есть заявки от таких институтов из Азии.

Это и четкое определение в законе неарбитрабельных споров при общем правиле об арбитрабельности всех споров, подведомственных судам. Нельзя не упомянуть о законной возможности придания на основании арбитражного соглашения третейскому решению абсолютной окончательности. Можно вспомнить и недвусмысленную норму

процессуальных кодексов о том, что арбитражное решение не может быть пересмотрено по существу государственным судом.

Главный результат реформы для международного коммерческого арбитража – уверенность как для российского суда, так и суда в любом государстве – участнике Нью-Йоркской Конвенции, в том, что решение арбитража, администрируемое на территории России, соответствует самым высоким требованиям как в части ведения арбитража, так и требований к арбитрам, к арбитражному учреждению, положениям об урегулировании конфликта интересов в арбитраже. Я не побоюсь сказать, что реформа впервые за почти 80 лет создала условия выбора для добросовестного бизнеса отечественного учреждения для администрирования международного спора. Без ущерба для качества можно передать спор как в давно зарекомендовавший себя центр с богатыми традициями, так и во вновь созданные в соответствии с новым законом центры, которые ориентируются на зарубежные образцы ведения арбитража, новые и даже экспериментальные технологии. Очевидно, что все это повышает привлекательность российской юрисдикции, тем более отделения ведущих российских арбитражных институтов созданы во многих регионах страны, в том числе на территориях, которые получили статус специальных административных районов.

Арбитраж по-прежнему остаётся приоритетным направлением для законодателя.

В апреле этого года в первом чтении приняты поправки в Федеральный закон «Об арбитраже», касающиеся уточнения порядка приобретения иностранными арбитражными центрами статуса постоянно действующего арбитражного учреждения, а также наделение Совета по совершенствованию третейского разбирательства дополнительными полномочиями.

Я уже упомянул недавно принятый Федеральный закон «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края». В соответствии с законом иностранное юридическое лицо может заключить договор об осуществлении деятельности на территории специального административного района с управляющей компанией, которую создает орган власти субъекта. В законе особым образом оговаривается, что стороны могут заключить арбитражное соглашение о передаче спора в третейский суд, администрируемый постоянно действующим арбитражным учреждением. Именно указанное арбитражное соглашение дает дополнительные гарантии иностранным инвесторам и, пожалуй, имеет ничуть не меньшее значение, чем, например, налоговые льготы. Данная норма закона показывает, что уровень доверия законодателя к арбитражной системе значительно

возрос после проведенной реформы. Мы в свою очередь, надеемся, что такая тенденция сохранится в дальнейшем.

Серьезный шаг в направлении развития арбитража в России сделал Верховный Суд РФ в том числе в своем недавнем решении, подтвердив возможность рассмотрения споров, связанных с законодательством о закупках по Федеральному закону №223-ФЗ, в третейских судах. Данное решение можно только поприветствовать, оно соответствует сегодняшней тенденции развития арбитража в России, показывает, что как законодатель, так и судебные инстанции доверяют третейским судам даже в таком принципиальном вопросе как закупки. Такой уровень доверия к арбитражу сформировался, в том числе в результате проведенной реформы. Надеюсь, что такая направленность сохранится и в будущем.

Сегодняшнее событие приурочено в том числе к 60-летию Нью-Йоркской Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Ее значение сложно переоценить: за это время государствами-участниками Конвенции стали 159 государств, что составляет больше 80 % от всех стран мира. Она по праву называется одним из наиболее успешных и репрезентативных международным договором в сфере международной торговли и международного коммерческого арбитража.

Конвенция разрабатывалась с основной целью – обеспечить, чтобы арбитражные решения, вынесенные за рубежом, получили возможности для их исполнения, наравне с внутренними арбитражными решениями. Однако, с ее помощью удалось достигнуть гораздо большего. Своей популярностью и доверием среди представителей международного делового оборота арбитраж как способ разрешения коммерческих споров, обязан именно Конвенции. Сам факт наличия механизма, с помощью которого можно исполнить арбитражное решение принудительно, стимулирует стороны арбитража добровольно исполнять арбитражное решение, как показывают результаты недавнего международного исследования Лондонского университета.

Несмотря на свою значимость, Конвенция — это весьма сдержанный документ. Она умещается на 5 страницах и состоит всего из 16 статей, которые отличаются лаконичностью формулировок. Существенная роль в поддержании эффективности режима, обеспечиваемого Конвенцией, принадлежит государственным судам тех юрисдикций, в которые спорящие стороны обращаются за признанием и приведением в исполнение арбитражного решения. От того, как государственные суды в своей практике применяют и толкуют положения Конвенции, зависит в конечном итоге результат ее действия.

Государственные суды обладают широтой усмотрения при толковании положений Конвенции об основаниях для отказа в признании и исполнении иностранных арбитражных решений. Широта усмотрения привела к разным подходам при толковании положений Конвенции. Пожалуй, самый яркий пример этого – толкование категории публичный порядок и того, что понимается под ним.

Сегодня на нашей сессии предстоит обсудить и сравнить, в том числе и то, какие подходы при применении Конвенции были выработаны государственными судами стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Искренне надеюсь, что дискуссия пройдет на конструктивной волне.

В одном из известных британских решений по делу *Richardson v. Mellish*, вынесенном почти 200 лет назад, суд отметил, что «Публичный порядок — это очень непослушная лошадь, и, оседлав её, никогда не знаешь, куда она тебя привезёт».

По мнению некоторых исследователей, оговорка о публичном порядке — это одно из самых непостоянных оснований для отказа в приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, из-за которого непредсказуемость в применении норм об арбитраже в любой юрисдикции существенно возрастает. При этом, суды и законодатели по всему миру оставляют за собой некоторую естественную свободу в определении того, что может послужить нарушением «публичного порядка». Решение оставить за государствами такое право можно назвать политико-правовым, ведь, как отмечается, это основание считалось создателями Конвенции одновременно как «предохранительным клапаном», так и «потенциальной лазейкой». С одной стороны, использование концепции «публичного порядка» является основой системы сдержек и противовесов в отношении международного коммерческого арбитража. С другой стороны, каждое государство должно гарантировать исполнимость арбитражных решений, и пресекать любые попытки дискредитировать допустимые арбитражные решения. Это создает дополнительную уверенность сторон в эффективности арбитража и стимулирует трансграничную коммерцию, что способствует общей экономической выгоде. Государства, которые следуют этой позиции будут извлекать конкурентные преимущества. Также мы всегда должны помнить о том, что основная цель Нью-Йоркской Конвенции – единообразное толкование ее положений различными странами.

Регион Юго-Восточной Азии стал площадкой для тестирования и продвижения новых подходов в арбитраже. Например, в совсем свежем решении Верховный Суд Сингапура указал, что в случае, если стороны договорились, что арбитраж будет оценивать приемлемость, относимость и значимость всех доказательств, то арбитраж вправе отступить от общепринятых правил анализа доказательств. Это также относится и к ситуациям, когда в регламенте арбитражного института, на рассмотрение которому стороны договорились передать спор, указано, что арбитраж самостоятельно оценивает

приемлемость доказательств. В другом решении была подтверждена действительность так называемых диспаратетных арбитражных оговорок. Несколько месяцев назад в Гонконге появился судебный прецедент, в соответствии с которым признана арбитрабельность споров между клиентами и адвокатами, несмотря на то, что законодательство Гонконга предусматривает запрет на передачу в арбитраж споров с участием потребителя. Согласно решению суда, сторона не должна использовать защиту, предоставляемую ей законом в том случае, если она согласилась передать спор в арбитраж. Суд признал, что публичный порядок не запрещает разрешение споров между юристами и адвокатами не в государственном суде.

Как известно, с 1 января 2018 в Гонконге вступили в силу изменения, которые прямо признали, что споры, связанные с интеллектуальными правами, арбитрабельны, и что разрешение таких споров арбитражем не противоречит публичному порядку.

Все эти тенденции фиксируются не столько в законе, сколько в судебной практике. Именно судебная практика создает условия для формирования так называемого про-арбитражного подхода. Но такой подход не формируется просто так, он строится на основании доверия, общего понимания задач, которые стоят перед системой разрешения споров, необходимостью снижения нагрузки на государственные суды при сохранении качественного, справедливого, предсказуемого правосудия, уважения к национальным правовым порядкам. На создание атмосферы доверия, открытый профессиональный диалог направлено сегодняшнее мероприятие. Именно поэтому оно обречено на успех.

Спасибо за внимание!